

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ДИРИЖЕР XX ВЕКА ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВ:

«Я ПРИОБРЕЛ НА ЗАПАДЕ БОЛЬШУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ»

Фото: <https://tass.ru/sibir-news/4040824>

И долгие месяцы в блокадном Ленинграде, и голодное послевоенное детство, и годы освоения профессии и борьбы за место под солнцем – все это было в жизни Владимира Федосеева. Он выдержал и был вознагражден – долгой счастливой семейной жизнью и состоявшейся мировой карьерой. Сегодня имя Федосеева стоит в ряду выдающихся русских дирижеров XX века – Евгения Мравинского, Николая Голованова,

Евгения Светланова. О радостях и горестях своего пути, о том, как не потеряться и не изменить себе – в этом интервью.

– Владимир Иванович, вы – блокадный ребенок. Помните то страшное время?

– Как сегодня, как наяву. Правда, детства я был лишен – сидел дома, никуда не выходил. Даже учился в своей квартире – мама у меня была общественницей и сдала одну из комнат под 2 класс, поскольку школы не отапливались, и дети не могли заниматься. Я сидел как затравленный зверек, потому что на улицу выйти было невозможно. Очень опасно, людей просто съедали. Моя сестра – врач, не могла ходить по вызовам. Тот, кто отправлялся к больному, часто не возвращался. Да, страшное время! У меня до сих пор все это перед глазами... Каким образом мы выжили, трудно сказать. Бог помог... Мы жили на окраине Ленинграда – в районе Охты, и у нас там был садик, где папа разводил цветы. В этом садике мы и построили бомбоубежище. Сначала боялись и сидели в «бомбе», но вскоре для нас разрывы снарядов уже ничего не значили. Стало безразлично. Если воеет сирена, значит, надо завесить шторы, чтобы не было видно света – это единственное, что мы делали. Помню, как с мамой гасили фугасные бомбы, засыпая их песком... Единственное, что у нас было – репродуктор; с утра до вечера звучала музыка Чайковского, Шостаковича... Мое первое впечатление

от музыки сложилось именно тогда. Отец немного занимался на баяне – не профессионально, самодеятельно, но мечтал, чтобы я пошел по этому пути и стал музыкантом. Слуха у него не было, таланта к музыке тоже. Но ему очень хотелось играть и передать баян сыну. И вот тут – получилось. Так через баян, через народный инструмент, я пришел к тому, к чему в итоге и пришел. Я люблю говорить, что родился три раза.

Первый раз меня родила мама. Вторым рождением считаю то, что выжил во время блокады. А третий случай произошел немного позже. Когда освободили Ладожское озеро, нашу семью со всем скарбом погрузили

в машины, и мы стали под бомбежками переправляться по льду в направлении – на Муром. И на первой же станции – Войбокало – нас всех погрузили в эшелон. Вещи мы поместили в товарный вагон, а сами пошли погулять – до отправления оставалось целых 3 часа. Тут налетели немцы и стали бомбить эшелон. Меня взрывной волной куда-то закинуло, очнулся в жутком помещении – то ли в подвале, то ли в подъезде. Вокруг лежали умершие, контуженые люди, а я один – маленький, и ни мамы, ни папы, ни сестры... Опять мне помог Бог! Я стал бегать, кричать и в конце концов нашел всех живыми и здоровыми. К вечеру, когда мы опять обрели друг друга, стали искать вещи. Видим костер, который уже не горит, а догорает, тлеет, и в нем вся наша мебель, весь скарб... А сверху на этой обуглившейся куче стоит папин баян – невредимый! Его-то мы и взяли с собой в Муром. Это был, по моему, 43-й год... И вот этот баян меня и вел, то есть с баяном – русская песня, с баяном – русская культура. Я в госпиталях играл на баяне для раненых. В пионерских лагерях я был первым человеком, потому что играл на всех линейках, а в походах меня вообще носили на носилках вместе с инструментом. Мне было 10 лет, и отец по-прежнему мечтал сделать из меня музыканта – нанял частного педагога-баяниста. Я баян и поднимал-то с трудом, но учился с удовольствием. Это был очень интересный период, но педагог мой, к сожалению, учил меня практически без нот – я играл по слуху. И конечно, я понял, что мне нужно стать профессионалом. Ну, тоже судьба подсказывала. Вернулся уже в Ленинград и поступил в училище имени Мусоргского на факультет народных инструментов. Поступить оказалось непросто, ведь я плохо знал ноты, но все-таки меня приняли. Мой будущий педагог – Павел Иванович Смирнов, руководивший оркестром баянистов во Дворце пионеров, послушав меня (играл я, кажется, «Экспромт» Шуберта), сказал: «Я буду с ним заниматься». И с 48-го по 52-й год я учился в училище им. Мусоргского. Время от времени подрабатывал в кинотеатре «Титан» – тогда перед сеансами играли маленькие народные оркестры. Потом работал в Андреевском оркестре, и в это же время в училище начал заниматься дирижированием. Здесь моим первым педагогом стала Вера Николаевна Ильина. Я учился параллельно по двум классам: баяна и дирижирования. Но дирижировал под рояль – оркестра там, конечно, не было. Почему я стал этим заниматься – не секрет: меня всегда привлекало, когда по улице шли духовые оркестры. Помню, как еще до войны маленьким мальчиком выскакивал из дому и бежал за ними, изображая, будто дирижирую... И эта мечта – дирижировать, видно, во мне засела. Так и окончил училище по двум специальностям... В Ленинградской консерватории не было факультета народных инструментов. Только в Москве в Гнесинском институте. Родители сказали: «Что ж, давай попробуем в Москву». 52-й год. Я приехал в Москву, уже на профессиональном уровне выдержал экзамен по игре на баяне, и меня приняли в институт Гнесиных. Пять лет я учился и тоже параллельно занимался дирижированием, жил в общежитии. И тогда окончательно понял, что хочу быть дирижером. Я поступил в качестве баяниста в оркестр русских

народных инструментов Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Играл там и классику – в переложении для народных инструментов, работал под управлением дирижера Николая Аносова, отца Геннадия Рождественского, и мечтал окончить аспирантуру по классу симфонического дирижирования. А она была только в Московской консерватории... Опять экзамены, я их сдавал-сдавал-сдавал-сдавал, и в конце концов поступил. И я продолжал учиться, работая – уже в качестве руководителя – в оркестре народных инструментов. На радио тогда имелось несколько оркестров – народных инструментов, которым я руководил, Большой симфонический и оперный. Случилось, что из БСО ушел главный дирижер – Геннадий Николаевич Рождественский. А я к тому времени уже имел опыт дирижирования: Евгений Александрович Мравинский пригласил меня в цикл молодых дирижеров. Он был очень верующим. Это один из тех людей, который протянул мне руку, душу свою. Не знаю почему, не знаю, может потому что я старался быть музыкантом – после блокады. Евгений Александрович предложил мне принять участие в молодежном конкурсе дирижеров с гениальным филармоническим оркестром города Ленинграда. А я ленинградец тоже. Конечно, я непосредственно не учился у него как ученик. Но он позволял мне присутствовать на всех репетициях. Я понял, что это он служит во имя искусства, во имя Господа Бога. Я пробивался тяжело, было сильное сопротивление. Все считали (и симфонисты, и руководители культуры), что народное искусство – второй сорт. Мол, этим своим вторым сортом и занимайся... Вот такое было предвзятое мнение – глупое, неправильное! Ведь народное искусство и рождает всё остальное. Если б не было Глинки, не было бы и Чайковского. В общем, я находился на грани отчаяния. Меня не пускали, у моей машины отвинчивали колеса. Причем все говорили честно: «У вас – не та биография». Мне тогда много досталось, и мы решили уехать из Москвы – куда угодно. Так было трудно бороться с этим непризнанием. Но нашлись и другие люди – те, кто в меня верил. Но их было очень мало. Евгений Александрович Мравинский протянул мне руку, Сергей Юрьевич Лапин – тогдашний глава радио и телевидения, хотя и не музыкант. В это время меня пригласили стать главным дирижером Венского симфонического оркестра – я был первым в истории оркестра русским дирижером. И 10 лет руководил им – одновременно с БСО. У нас всегда так – нет пророка в своем отечестве. Я приобрел на Западе большую популярность. Был награжден Серебряным крестом Австрийской республики, почетный гражданин Вены... Видите, какие мне звания дали! И только после этого в России сказали – а-а-а, ну тогда, конечно... Так что, мне помогли сделать карьеру Мравинский, Лапин и Запад.

– Расскажите о своих родителях.

– Папа работал на заводе – заведовал складами, а мама была домохозяйкой, но иногда ходила в церковь петь на клиросе. Мама верила в Бога, а папа был неверующим совершенно. И мне в этом смысле было трудно находить общий язык с обоими. Крестили меня уже в позднем возрасте –

в Москве в Подворье Болгарской Православной Церкви на Таганке, и то по секрету от отца (это был, наверное, 65-й год). Раньше я позволял себе какие-то вещи, которые неприлично позволять просто, и мальчиком, и в молодом возрасте. После того как я принял веру, я сразу ощутил, что это нельзя мне делать. Ругаться мне нельзя, драться мне нельзя. Мне только можно любить всех, кто меня окружает. Я поменялся совершенно. Конечно, я и получал обиды много раз и несправедливость. Но меня спасала именно вера в прекрасное, в чудо какое-то, в любовь. И вот с этим я и жил. И до сих пор, думаю, я так и проживу, сколько мне отпущено будет. Видите, как получается: папа у меня был советский, а мама – народная, и жили они очень хорошо. Папа был строгим, а мама, наоборот, очень доброй. И оба мечтали, чтобы сын занимался музыкой. И вот я – произведение этого. Мама все делала с Богом и с любовью. Она меня особо не учила, просто жила. Мама меня держала все время в любви и говорила: «Вот это любовь, это вот ты должен сделать. А это ты не должен».

- Владимир Иванович, Вы говорили: «Бог есть любовь, и это самое главное и самое трудное для понимания и для чувства повседневного». А почему самое трудное?

- (Поет). «Любви все возрасты покорны. Ее порывы благотворны». Я сразу начинаю плакать, когда вижу какую-то несправедливость, в любом – в собачке, в кошечке, что она вот такая бедная. В ребенке, в бабушке, в дедушке. Мне жалко их. И я думаю, что мне сейчас сделать, чтобы этот человек не плакал. Вот это и есть та любовь к ближнему. Любовь – все-таки это главное. Любовь – есть Бог. А без любви ничего, дальше не проедешь.

Большой симфонический оркестр под руководством Владимира Федосеева на протяжении многих лет принимает участие в благотворительных акциях, дает концерты в больницах и детских домах. Владимир Федосеев является членом Попечительского совета Первой градской больницы и оказывает поддержку больничному храму благоверного царевича Димитрия, помогает православной службе помощи «Милосердие». 25 декабря в Москве состоялось награждение художественного руководителя и главного дирижера Государственного академического Большого симфонического оркестра имени П.И. Чайковского Владимира Федосеева медалью святого праведного Филарета Милостивого (I степени). Награду, учрежденную в 2017 году Синодальным отделом по благотворительности,

заслуженному деятелю музыкального искусства вручил председатель Синодального отдела епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон. Медаль святого праведного Филарета Милостивого вручается за благотворительность и социальное служение, отметил председатель Синодального отдела по благотворительности епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон. Он напомнил о больших заслугах

<http://www.diaconia.ru/episkop-panteleimon-vruchil-vladimiru-fedoseevu-cerkovnyu-nagradu>

Владимира Федосеева не только на музыкальном поприще, но и в сфере благотворительной деятельности. «Почти 30 лет Владимир Иванович делает

очень многое, чтобы дети, которые воспитываются в детских домах, имели все необходимое, чтобы сестры милосердия, ухаживающие за больными, получали содержание, чтобы у бедных людей была радость праздника», – сказал епископ Пантелеимон.

У нас домик – на Валдайском озере. Рядом Иверский монастырь – потрясающий, словно вырастает из воды. Мы постоянно туда ездим. Ходим на ключ Казанской Божьей Матери в День Казанской иконы (празднование Казанской иконы Божией Матери – 21 июля н.ст. – прим. ред.). Везде маленькие церквушки, а какая вода...

- Как вы познакомились с вашей будущей женой?

- Я познакомился с Ольгой Ивановной, окончив аспирантуру, и, продолжая работать в народном оркестре. При этом уже дирижировал оперным симфоническим оркестром – записал несколько опер, например, «Черевички» Чайковского, «Майскую ночь» Римского-Корсакова (эта запись получила в Париже приз «Золотой Орфей» французской академии грамзаписи «Шан дю Мوند», а узнал я об этом только три года спустя). Она – дочь великого певца Ивана Михайловича Скобцова, который

В. Федосеев регулярно ходит в храм, исповедуется и причащается

Фото: <https://www.raifa.ru/news/?ID=629>

25 лет пропел в Большом театре; очень образованная женщина. А встретились мы на радио – Ольга Ивановна была моим начальником, принимала все программы народного оркестра и критиковала за неправильный вкус. Скажем, я играл Моцарта в переложении для народных инструментов, а она говорила – «Какой же это Моцарт?» И была права! Она всегда – рядом со мной. Это большое счастье. Потому что мы живем одной душой, все проблемы понимаем одинаково. Нам повезло – небеса нас соединили. Вместе мы уже 35 лет.

- Столько лет прожить вместе, рука об руку, и не устать – в чем секрет таких отношений?

- Никакого секрета. Просто мы любим друг друга и постоянно друг у друга учимся. Я учусь у нее, потому что она в области культуры очень много знает, много сделала. 25 лет вела программы на телевидении. Я знал и знаю гораздо меньше. А она учится у меня, но совсем другому – внутреннему чувству. Мы дополняем друг друга, с разных сторон смотрим и на жизнь, и на музыку. Главное – это то счастье, которое дается редко.

- Скажите, «наследство» первого дирижера БСО Николая Голованова – маленькая иконка – и сейчас с вами?

- Да. Одно время здесь был кабинет Николая Голованова, и оттуда Ольга Ивановна вела свои передачи. Однажды у нее в гостях была сестра Голованова, которая через нее передала мне эту деревянную иконку. Николай Семенович всегда клал ее в левый карман. Я преклоняюсь перед Головановым, как перед великим русским дирижером и композитором, – он писал духовную музыку, которая и сейчас звучит в церквях. И теперь перед каждым концертом кладу его иконку в левый карман. Молюсь, и она мне помогает.

Источник: <https://www.pravmir.ru/vladimir-fedoseev-rodilsa-tri-raza/>

**ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ, СРАЖАЯСЬ С БЕСАМИ, ОН УСЛЫШАЛ,
КАК ПРЕКРАСНЫЙ ГОЛОС, ИСХОДИВШИЙ ОТ ИКОНЫ
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, ПРОИЗНЁС:
"ЗВЕРИ, ОСТАВЬТЕ МОЕГО МОНАХА"...**

ОККУПАНТЫ ТАК И НЕ ЗАНЯЛИ

ОБИТЕЛЬ

**ПРЕПОДОБНЫЙ
АНФИМ ХИОССКИЙ**

**ДЕНЬ ПАМЯТИ - 28 ФЕВРАЛЯ
(ПО НОВ. СТ.)**

В миру Аргирий Вагианос родился 1 июля 1869 года в деревне Левадия на острове Хиос (в Греции), в благочестивой крестьянской семье. В детстве

удостоился видений Божией Матери, обещавшей ему в будущем Своё покровительство. Семья была бедной, и Аргирий не имел возможности ходить в школу, хотя и отличался сообразительностью и прилежанием. Достигнув того возраста, когда мальчиков начинают учить ремеслу, он пожелал учиться сапожному делу и большую часть жизни им занимался.

Когда Анфиму было девятнадцать лет, мать однажды попросила его отнести старую икону Богоматери «Скоропослушница» для поновления в монастырь Святых Никиты, Иоанна и Иосифа. Эта обитель была незадолго до того основана святым монахом Пахомием, бывшим духовным наставником свт. Нектария Эгинского.

Вдохновение небесной жизнью

Вернувшись в деревню, Анфим, вдохновленный небесной жизнью монахов, построил себе хижину на окраине и предался подвигам, забыв обо всех заботах этого мира. Живя в хижине, он строго выполнял предписания Пахомия. Духовный отец, восхищаясь его послушанием, молчанием и стремлением к молитве, говорил своим монахам: «Этот юный послушник уже – настоящий монах, ему уготовано стать великим отцом». Икона Божией Матери, которую Анфим хранил у себя всю жизнь, была его единственной помощницей, вдохновительницей на богоугодную брань, утешением в испытаниях и искушениях. От нее совершались чудеса для тех, кто навещал святого в уединении. После он удалился в монастырь Святых Отцов и принял малую схиму.

Движимый любовью к Богу, святой вел строгую аскетическую жизнь. При этом он мог выполнять любую работу, трудясь, в том числе, на строительстве обители Святого Константина. Вскоре он заболел, и игумен отправил его к родителям для лечения у врачей. Анфим продолжил

Фото: <https://twitter.com/cinema5ru/status/1060439287227994112>

подвиги, как будто жил в монастыре, и зарабатывал сапожным ремеслом на хлеб себе и престарелым родителям, раздавая еще милостыню нуждавшимся.

19 дней и ночей без сна

Аскетические подвиги подвижника вызывали ярость бесов, которые ополчались на него во время ночных молитв, поднимая страшный грохот. Молиться ночью он любил, сидя в дупле старой оливы, что росла рядом с его кельей. Как позже говорил сам святой Анфим, он не давал себе "ни минуты отдыха". С помощью Богородицы ему удалось провести 19 дней и 19 ночей без сна; при этом он раз в два дня съедал краюшку хлеба и выпивал немного воды. К концу этого подвига он пришел в состояние восхищения и его дух пребывал вознесённым в раю, среди ангельских хоров, и всё это время Анфим не переставал повторять: "Господи, помилуй!"

Спустя годы отец Анфим рассказывал своим духовным дочерям:

"Хоть я и не получил образования, но вёл тяжкую брань, чтобы чего-то достичь. Вы этой брани не видели: пост, молитва, плач, земные поклоны, страдания – день и ночь. Мои слова могут прозвучать по-фарисейски, но я вам их говорю, чтобы вас укрепить. Говорю не как фарисей, а как ваш отец. Бесы жгли и мучили меня. Я и сам мучил себя. Не насыщал себя хлебом. Не насыщал себя водой, не насыщал себя сном и другими вещами, о которых знает только Бог. Матрацем мне служил мешок, а спал я, опершись о корень оливкового дерева, и то совсем чуть-чуть. Чего только бесы со мной не делали! Расскажи я вам всё, вы не поверили бы. Я их провоцировал – переносил искушения, – а они били меня по голове. Они не давали мне ни единой минуты отдыха..."

Помощница и утешение в испытаниях

Икона Божией Матери, которую преподобный Анфим хранил у себя всю жизнь, была его единственной помощницей, вдохновительницей на богоугодную брань, утешением в испытаниях и искушениях. Однажды ночью, сражаясь с бесами, он услышал, как прекрасный голос, исходивший от иконы, произнёс: "Звери, оставьте моего монаха", – и тотчас же бесы прекратили терзать его.

В 1909 году отец Анфим принял великую схиму.

Преподобный Анфим

Добродетели подвижника и чудеса от иконы Божией Матери стали привлекать к его жилищу большое число посетителей. В ответ на просьбы народа было решено рукоположить его во священника. Но поскольку епископ Хиосский отказывался рукополагать человека без образования, в 1910 году отец Анфим отправился в деревню Адрамитион, расположенную на турецком

берегу, и жил там некоторое время в семье своего крёстного. Он начал учить Анфима грамоте, чтобы тот мог читать в храме Евангелие.

8 ноября того же года отец Анфим был рукоположен в храме святой Анны в Смирне. Во время хиротонии, когда все христиане в храме воскликнули:

"Аксиос!" ("Достоин!"), небо озарилось блеском молнии, от удара грома здание храма задрожало, как при землетрясении. К ногам только что рукоположенного священника упала лампада, облив его маслом, и вдруг так же внезапно небо прояснилось, и засияло солнце.

Изгнание нечистого духа

В той же деревне жил человек, одержимый бесом. Он был прикован железной цепью к большому платану. День и ночь он дико кричал, скаля зубы и испуская изо рта пену. Жители деревни хотя и кормили его из сострадания, но подходить к нему близко боялись из-за его нечеловеческой силы и ужасных бранных криков. Много раз приходил священник, издали читал молитвы об изгнании нечистого духа, но человек тот так и оставался бесноватым. Вскоре после рукоположения святого Анфима крёстный сказал ему: "Ну что, батюшка, почему бы тебе не сходить и не почитать молитвы над тем несчастным?" Святой ответил, что недостоин, чтобы его считали способным изгонять бесов, но по

Лепрозорий, где служил преподобный Анфим

Фото: <https://www.molitva.gr/2012/02/monastyr-panagii-pomoshhnicy-prep-anfim-novyj/>

настоящему крёстного несколько раз сходил почитать молитвы над бесноватым, освятил воду и отслужил молебен. Очень скоро страждущий исцелился.

Лепрозорий

В 1911 году преподобный уехал на Гору Афон, а в 1912 году святой вернулся на Хиос. Ему дали послушание служить в лепрозории (больнице для прокаженных). До его прихода это место пользовалось дурной славой. Запущенность, грязь, ругань, ссоры и пение непристойных песен были там в порядке вещей. Отец Анфим достал всё необходимое, отремонтировал помещения, развел фруктовые сады с цветами и целебными травами. Обитатели приюта вели общинную жизнь, как в монастыре. Он сам ел в общей столовой вместе с прокажёнными. Он обходил комнаты своих пациентов, склонялся над их подушками и старался словами молитвы и утешения облегчить их боль... Многие из них стали монахами и монахинями.

38 одержимых были освобождены от злых духов его постами и молитвами перед иконой Божией Матери.

Монастырь по благословению Божьей Матери

В то время в Малой Азии греческое население подвергалось

преследованиям, что привело к эмиграции в 1922-1924 годов. Многие беженцы высадились на Хиосе, особенно монахини и девушки, которые, лишившись защиты, вынуждены были скитаться в нищете. Святой Анфим с молодых лет лелеял мечту основать монастырь в облюбованном им пустынном скалистом месте. Желая наконец осуществить этот замысел, он, поддержанный в видении Божией Матерью, объединил вокруг себя 40 женщин. В 1927 году он получил разрешение основать обитель на месте, избранном Богом – на окраине городка, у дороги в деревню Карьес. Не прошло и двух лет, как икона Божией Матери "Скоропослушница" была торжественно перенесена в посвящённую этому образу монастырскую церковь. Он сам прожил остаток дней именно в этом монастыре. Вскоре обитель насчитывала 80 насельниц и быстро сделалась лучшим женским монастырём в Греции.

Спасение рабочих

Святой Анфим был духовным отцом, утешителем и заступником всего населения Хиоса. Ни одного посетителя, больного или кающегося он не оставлял без утешения: кого лечил духовным наставлением, кого –

Остров Хиос

Фото: <https://travelest.ru/hios/dostoprimechatelnosti-chios>

целебными травами, но прежде всего – слёзной молитвой перед иконой Божией Матери. Иногда за день до 60-70 больных приходили в монастырь просить помощи преподобного и Пресвятой Богородицы.

Однако монашеское смирение старца заставляло его избегать славы и похвал. Он всегда говорил, что монастырь создал Господь и Его Пресвятая Мать, а себя называл "землёй и прахом". Тем не менее, его святость и прозорливость были известны всем жителям Хиоса. Однажды во время обеда в трапезной отец Анфим поднялся и в явном испуге побежал к воротам монастыря, оставив сестёр в недоумении. У ворот несколько рабочих добывали камень и песок из основания соседнего холма. Они не замечали, что прямо над ними от холма откололась крупная глыба и вот-вот должна была свалиться и раздавить их. Старец закричал: "Чада, уходите, бегите быстрее! На вас упадёт гора!" Напуганные рабочие бросили инструменты и едва успели отойти, как глыба отломилась и свалилась на то место, где они только что работали. Дрожа от пережитого испуга, они благодарили преподобного, а он рассказал им, что услышал неземной голос, повелевший: "Встань, иди к работникам. Они – в опасности".

Оккупанты так и не заняли обитель...

Святой Анфим был горячим патриотом своей страны, и во время II Мировой войны, когда Греция была под властью немецких оккупантов, он просил сестёр ежедневно читать Канон молебный ко Пресвятой Богородице с молитвой об освобождении родной земли от захватчиков.

Он также строго запрещал впускать на территорию обители немецкие войска. И всё же однажды немец – управляющий острова – приказал отдать одно из зданий обители под артиллерийский склад. Митрополит Хиоса протестовал против этого, но безуспешно. Преподобный Анфим, узнав об этом, весьма опечалился. Немцы не только планировали придти в монастырь, но и разместить здесь оружие. Старец понимал, что об этом могут узнать войска союзников, и тогда они непременно разбомбят обитель. С другой стороны, в случае сопротивления приказу оккупантов сразу последовало бы возмездие в отношении самой обители и ее насельниц... Как всегда, преподобный припал к иконе Божией Матери, умоляя Её о заступлении. После молитвы он успокоил испуганных плачущих сестёр:

«Не бойтесь, ничего не случится».

На следующий день управляющий в сопровождении двух офицеров явился посмотреть, как выполняется его приказ. Биограф отца Анфима пишет:

"Кто, однако же, поверит, что могло произойти то, что произошло? Как только немец увидел дышащую святостью фигуру старца за воротами обители, он остановился и несколько мгновений стоял, глядя на аскетический лик уважаемого подвижника, словно это была галлюцинация. Он не успел даже рта раскрыть, как вся его надменная суровость сменилась выражением спокойной доброты. Забыв о приказе, на выполнении которого он собирался упрямо настаивать, управляющий стал гладить старца по плечу и повторять полным теплоты голосом: "Прости меня, отче... мы пойдём в другое место. Прости меня, отче... мы пойдём в другое место."

Оккупация Греции

Фото: <https://ru.wikipedia.org>

Отче, мы тут не останемся... прости, мы уйдём". Поклонами и почтительными жестами он выразил свое уважение святому старцу, ибо даже у противника добродетель вызывает восхищение".

Более 30 лет он служил спасению душ...

Более тридцати лет святой Анфим служил спасению душ и исцелению телес. Когда подвижник стал слишком стар, чтобы заниматься ручным трудом, он затворился в келье и умолял Господа даровать ему возможность помогать ближнему любым способом до последних мгновений жизни.

Дав общине полные божественной мудрости наставления, он отошел ко Господу 15 февраля 1960 г. в возрасте девяноста одного года. Весь остров оплакивал святого. Прп. Анфим и теперь пребывает с верующими, изливая на тех, кто прибегает к его заступничеству, Небесное утешение и исцеляя от болезней.